

ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

А.П. Бужилова

НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва

PALAEOPATHOLOGY IN RUSSIA: HISTORICAL BACKGROUND

A. Buzhilova

Institute and Museum of Anthropology, MSU, Moscow

В статье предлагается версия хронологических этапов становления палеопатологии в России. Особое внимание уделяется первым работам в области палеопатологии, представленным основателями физической антропологии в России – К.М. Бэрм и Д.Н. Анучиным. Рассматривается вклад основателя русской школы палеопатологии Д.Г. Рохлина.

Ключевые слова: *история науки, палеоантропология, палеопатология, Д.Н. Анучин, Д.Г. Рохлин*

Author presents the historical essay of development of palaeopathology in Russia. Especially there is discussed the first papers in palaeopathology of founding fathers of Russian physical anthropology – Karl von Baer and D.N. Anuchin. The founder of Russian Palaeopathological School – D.G. Rokhlin, made an important contribution to the new science.

Key words: *history of science, palaeoanthropology, palaeopathology, D.N. Anuchin, D.G. Rokhlin*

В наши дни палеопатология входит в состав физической антропологии. В России, как и в других странах Европы, первые специальные антропологические научные учреждения и общества возникли в конце 50–60-х годов XIX века, когда стали издаваться первоначальные работы по антропологии. Безусловно, этому предшествовал долгий путь развития и становления науки.

Накопление антропологических знаний в стране протекало по двум основным руслу: изучение особенностей физического типа населения, населявшего бескрайние просторы России, и развитие общетеоретических представлений о происхождении современного человека. Последняя тема занимала видное место в сочинениях русских философов и натуралистов. Более специальные вопросы в т.ч. палеопатологии, по современным меркам традиционно входящие в раздел морфологии человека, продолжительное время были в поле интересов анатомов и медиков.

История анатомии в России, как и других естественных наук, неразрывно связана с деятельностью Петра I, который, как известно, живо интересовался подобными работами. В 1698 году, будучи в Голландии, царь Петр посещал анатомические занятия прославленного анатома Ф. Рюйша. В итоге за огромную по тем временам сумму он приобрел его коллекцию бальзамированных препаратов, немалую часть которой составляли различные уродства и морфологические отклонения от анатомической нормы человека. Значительная часть этой коллекции сохранилась до сегодняшнего дня.

В истории развития русской физической антропологии немаловажное место занимает доклад профессора Московского университета И.Ф. Венсовича, произнесенного им на 50-летнем юбилее Московского университета в 1805 году. Именно тогда И.Ф. Венсович проводит четкое разграничение между антропологией в широком значении

этого понятия и физической антропологией. По его мнению, физическая антропология отражает исследования о человеке, «о строении его тела, образе действия в здоровом состоянии, о главных изменениях сих действий в болезнях и об отвращении сих посредством наблюдения надлежащего образа жизни». Докладчик подчеркивал при этом, что физическая антропология не часть общей медицины, так как у нее иные цели и содержание [Левин, 1960].

Другой профессор Московского университета – А.Л. Ловецкий, внес немалую лепту в популяризацию физической антропологии в Московском университете. Именно он автор университетского учебника «Конспект физиологии или антропо-биологии», изданного в 1835 году. В книге дается довольно подробное перечисление признаков, отличающих обезьян от животных, отмечается характерный для человека длительный период младенчества и ряд других биологических особенностей. В учебнике приводится и перечень некоторых патологических состояний человека, в числе которых автор приводит данные о карликах и великанах. Ему принадлежит и первое учебное пособие на русском языке – «Краткое руководство к познанию племен человеческого рода...», изданное в 1838 году. Эта книга посвящена классификации человеческих рас. Кроме того, в ней кратко рассматриваются такие явления как альбинизм, кретинизм, малорослость и высокорослость.

В нашей стране начало систематического собирания краниологических и остеологических коллекций для научных целей связано с именем крупнейшего естествоиспытателя первой половины XIX века – К.М. Бэра. К.М. Бэр был одним из ведущих антропологов своего времени, его по праву можно назвать основоположником физической антропологии в России. В 1814 году закончив медицинский факультет Дерптского университета, он провел три года в Австрии и Германии, изучая естественные науки. Это перевернуло его интересы, и он оставил медицину, целиком посвятив себя научной деятельности. К.М. Бэр был приглашен для работы в Кенигсбергский университет известным физиологом К.Ф. Бурдахом. В 1826 году его утверждают профессором анатомии и назначают директором анатомического института, в организацию которого К.М. Бэр вложил немало труда.

В 1842 году став академиком, он возглавил Анатомический кабинет Академии наук в Санкт-Петербурге. Вскоре по его инициативе он переименовывается в Антропологический кабинет. В собрание кабинета принимается на хранение знамени-

тая петровская тератологическая коллекция, приобретенная Петром I у Ф. Рюйша, и небольшая краниологическая коллекция. В ее числе черепа алеутов, телинцитов и эскимосов, поступившие от доктора Мертенса, а также череп из раскопок Т. Тецмана на юге России. В течение многих лет работы К.М. Бэр сумел привлечь внимание научной общественности к формированию новой науки, неустанно пополняя коллекции из археологических раскопок. В результате к 1858 году краниологическая серия кабинета увеличилась почти до 400 черепов [Левин, 1960; Гохман, 1980]. Именно они стали основой антропологического отдела Музея антропологии и этнографии Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

В процессе формирования и изучения краниологических собраний Антропологического кабинета К.М. Бэр опубликовал несколько работ, в числе которых были статьи, которые по праву отвечали интересам будущей палеопатологии, например, сравнительное исследование искусственно деформированных черепов Крыма и Австрии, вышедшее в свет в 1860 году.

В ней он подробно излагает сообщения античных авторов и приходит к выводу об идентичности изученных им искусственно деформированных черепов Крыма и т.н. макроцефалов, упоминаемых в знаменитых трудах Гиппократов. В своей работе К.М. Бэр рассматривает вопрос об этнической принадлежности изученных групп, практиковавших обряд деформации головы. В результате историко-этнографического анализа, он высказывает предположение об их принадлежности к гуннам. Таким образом, данные палеоантропологии приобретают очевидную ценность независимого исторического источника уже на заре развития физической антропологии.

К.М. Бэр не оставляет без внимания и тератологическую коллекцию Петра I. Он уделяет много внимания ее описанию и систематизации. В результате публикуется ряд статей, посвященных описанию различных врожденных уродств у животных и человека.

Как видим, ранние работы, соотносимые по тематике с задачами палеопатологии, в основном отражают оценку распространения патологических и отличных от нормы состояний у человека. Их авторы выражали интересы не столько к прикладным аспектам медицины и анатомии, сколько к научным и теоретическим проблемам естественной истории человека.

Примерно в это же время в Москве, благодаря инициативе экстраординарного профессора Московского университета и директора зоологического музея А.П. Богданова, основывается Обще-

ство любителей естествознания при Московском университете. Это происходит 15 октября (по ст. ст.) 1863 года. Как отмечал Г.М. Левин [1960], для истории развития русской антропологии – это переломный момент. Антропологическая тематика сразу же заняла одно из первых мест в работах нового общества. И уже 4 ноября (по ст. ст.) 1864 года в его составе был основан Антропологический отдел. В работу этого отдела были включены антропологические, этнографические и археологические исследования, что отражало взгляды зачинателей антропологии как комплексной науки о физическом типе человека и его культуре.

В 1876 году в Московском университете по инициативе А.П. Богданова была организована первая в России кафедра антропологии. Она была учреждена на частные средства. Для подготовки к занятию этой кафедры Д.Н. Анучин – ученик и последователь А.П. Богданова, был командирован университетом за границу, где пробыл два с половиной года, выполняя одновременно и поручения по подготовке зарубежной части будущей Антропологической выставки в Москве, которая открылась в апреле 1879 года. Эта выставка явилась важнейшим этапом в развитии русской антропологии. Она положила начало Антропологическому музею Московского университета, обеспечила молодую антропологическую кафедру необходимыми пособиями, открыла пути к дальнейшему изучению населения нашей страны в антропологическом ракурсе. Пионером этих начинаний стал А.П. Богданов, а продолжателем его идей Д.Н. Анучин.

Д.Н. Анучин как и его учитель был не просто антропологом. В нашей стране он известен как основоположник русской академической географии, археологии и этнографии. По поручению Московского университета Д.Н. Анучин работал несколько лет в лаборатории знаменитого П. Брока, слушал как его лекции, так и П. Топинара, в разное время участвовал и проводил археологические раскопки в пещерах Дордони с Э. Карталльяком, Э. Шантра и Г. Мортиллье, изучал мегалиты на юге Франции. За время своей длительной командировки он сумел посетить лаборатории и музеи в Лондоне, Брюсселе, Берлине, Лейпциге, Мюнхене, Дрездене, Вене и Праге, встречаясь с виднейшими антропологами того времени.

Основной темой научных работ Д.Н. Анучина за границей стало исследование аномалий черепа, в связи с чем им был изучен огромный краниологический материал – свыше 4 000 черепов. Эта тема явилась и предметом его диссертации, защищенной в Московском университете в 1880 году – «О некоторых аномалиях человеческого че-

репа и преимущественно об их распространении по расам». Для обоснования своих идей им был привлечен сравнительный материал, в результате анализ географического распределения аномалий в различных группах был построен на основании исследования более 15 000 черепов. С учетом апробированного сравнительно-анатомического подхода этот труд Д.Н. Анучина, бесспорно, является классическим в мировой антропологической литературе.

Несколько лет спустя он обращается к поднятой до него К.М. Бэрм теме искусственной деформации черепов, публикуя статью «О древних искусственно-деформированных черепах, найденных в пределах России» [1887]. Работа Д.Н. Анучина будет более полувека оставаться последним отечественным исследованием традиции деформации головы у древних народов. Лишь в советское время эту тему в российской антропологии вновь откроет Е.В. Жиров [1940].

Д.Н. Анучину [1895] принадлежит первое в истории отечественной палеопатологии исследование трепанации черепов в древности. Три находки – два амулета, вырезанные из человеческих черепов и череп с посмертной трепанацией на лобной кости, спровоцировали это изыскание. Образцы, происходящие из разных по географии и хронологии археологических памятников России, были переданы на хранение в Антропологический музей Московского университета.

Подробно описанные наблюдения в строгом археологическом контексте этих находок, сопоставление их с синхронными археологическими находками других территорий, как и приведение аналогий с известными этнографическими сведениями, а также рассуждения о назначении таких привесок и операций посмертной трепанации черепа оставляют работу Д.Н. Анучина актуальной по сию пору.

Обратим внимание еще на одно исследование трепанированных черепов, проведенное в конце XIX века в России К.И. Горощенко [1899] – «Гипсовые курганные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа». Автор его, также как и Д.Н. Анучин подробно рассматривает находки перфорированных черепов строго в соответствии с археологическим контекстом, обращая внимание в данной работе на особенности погребального обряда и присутствие посмертной трепанации. Заметим, что посмертная перфорация на черепе в височной области (нередко фиксируемая с двух сторон), благодаря К.И. Горощенко, впервые была описана на ископаемых материалах Сибири. Более века спустя М.Б. Медникова [2001] уже с учетом современных требований

науки описала эти образцы, многократно дополнив их новыми находками. В результате систематизации полученных палеопатологических, археологических и географических сведений, исследовательница выдвинула предположение об эпохальном векторе подобной традиции из северо-западной Монголии через Туву в Минусинскую котловину.

Именно сопоставление информации, полученной из двух источников: археологического и палеопатологического в географическом и хронологическом контексте, стало предвестником будущего специфического методологического подхода к анализу данных палеопатологии, необходимого для реконструкции особенностей образа жизни древнего населения. Этот подход был постулирован гораздо позднее в отечественных методологических разработках последователей комплексных палеоантропологических исследований [Бужилова, 1992, 1995; Историческая экология... 1998].

Подобная режиссура палеопатологического исследования с самого начала наметила формирование этой науки в России в прикладном аспекте. Ее исследования сводились в первую очередь к получению исторической информации, что имело большое значение для развития антропологии и археологии.

Таким образом, антропология, обладающая своими собственными задачами и методами исследования, уже на заре своего развития вовлекает в орбиту исследований другие научные дисциплины, влияя на их развитие в нашей стране. Такова, в частности, обоюдная связь физической антропологии с палеопатологией человека.

В медицинской среде сторонники палеопатологии посвящали свои исследования истории тех или иных заболеваний в далеком прошлом. При этом в своих работах они обращались, главным образом, к историческим данным. Вероятно, одним из образцов подобного рода можно считать классическую работу Г. Гезера «История повальных болезней» [1865]. В то время мало кто из медиков серьезно обращал внимание на ископаемые останки человека как на научный источник.

В Санкт-Петербурге в 1905 году Ф.А. Дёрбеком была защищена диссертация на степень доктора медицины «История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени». Несколько первых глав этой работы посвящены подробнейшему анализу письменных древнерусских источников в т.ч. Лаврентьевской, Псковской, Ипатьевской и других летописей. Автору удалось представить хронологический очерк появления чумных эпидемий в различных евро-

пейских регионах Русского государства, начиная с X века. Спустя столетие А.П. Бужилова [Бужилова, 2005; Buzhilova, 2007] продолжила подобное исследование, также опираясь на древнерусские исторические источники. Сопоставляя не только хронологию, но и географию болезни, оказалось возможным показать, что на северо-западе Русской равнины чума функционировала циклично, переходя из одного города в другой, возвращаясь к исходной географической точке через неопределенные промежутки времени. Вероятно, болезнь могла сохраняться на протяжении нескольких лет в регионе не в традиционных природных зоологических очагах, исходно отсутствовавших на этой территории, а в человеческих группах, благодаря «кочеванию» возбудителя из одной популяции в другую.

Историей чумы и других повальных эпидемий плодотворно занимались медики в императорском Казанском университете. Так, Н.Ф. Высоцкий много лет читая спецкурс по чуме, позволил себе написать труд, посвященный распространению этого заболевания в конкретную историческую эпоху – «Чума при Алексее Михайловиче» [1879]. Другой казанский исследователь – В. Эккерман [1884], посвятил этой теме раздел в своей книге «История эпидемий X–XVIII вв.».

Особую тему в истории русской медицины занимает проказа. Это заболевание имело широкое распространение в южных, азиатских и дальневосточных районах империи. Отечественные ученые неоднократно обращались к истории распространения этой болезни. Исследуя библейские тексты, Г.Н. Минх [1890] сумел показать, что часть историй о больных, традиционно считавшихся пораженными проказой, вероятнее всего повествует о больных витилиго. В.М. Рихтер [1814] в общей работе об истории болезней в России указывает на историческое свидетельство существования проказы в нашей стране уже с середины XV века. Д.Ф. Решетилло [1904] отмечал, что древность и привычность использования термина в древнерусских литературных источниках может косвенно свидетельствовать о существовании проказы в России со времен Киевской Руси, если не раньше. В 1913 году С. Тржецяк на заседании Биологического отделения Русского Общества охраны народного здоровья представил доклад «Проказа в библейские времена и в настоящее время, с обращением особого внимания на положение вопроса о проказе в России». В этой работе немаловажное место занимает анализ исторических источников, включая древнеегипетские папирусы Бруша и Эберса, древнегреческие и римские литературные памятники.

Примерно через полвека в отечественной науке появляется еще одно историческое исследование, претендующее на обобщение проблемы возникновения и распространения проказы в России. Н.А. Торсуев [1958] сумел вовлечь в свое изыскание не только информацию из древнегреческих и римских литературных памятников, но и первичные исторические сведения, касающиеся отечественной истории проказы XVIII века. Он был одним из первых, кто обратил внимание на функционирование очагов лепры в регионах обитания русского казачества.

Еще через полвека А.П. Бужилова [Бужилова, 2005; Buzhilova, 2002] была предпринята попытка оценки географического распространения проказы на огромной территории Российской империи по компьютерной модели, построенной на фактическом материале – сводке по числу больных в определенных географических пунктах. Для электронного картирования использованы данные, полученные из разрозненных источников, отражающих ситуацию 1889–1910 гг., поэтому автором был проведен перерасчет данных с учетом демографической плотности населения в конкретных регионах. В результате на построенных аналитических картах можно было оценить степень изменчивости признака с учетом формирования локальных особенностей. Помимо аналитических карт для географического анализа были построены фоновые (трендовые) карты методом осреднения значений признака по площадям равномерно перемещающегося окна. В ходе анализа использовались два географических масштаба: территория Европы и территория Евразии. В этой работе помимо географического электронного анализа использовался исторический подход для реконструкции причин появления болезни на той или иной территории [Бужилова 2005; Buzhilova 2002].

Примечательно, что остеологических свидетельств существования древней проказы на территории России не было обнаружено вплоть до недавнего времени. Благодаря усилиям украинской исследовательницы А.Д. Козак [2002] появились работа о находке останков больного проказой из погребения X века с территории Михайловского златоверхого монастыря в Киеве. Позднее ею были обнаружены другие остеологические свидетельства распространения этого заболевания в более поздние средневековые периоды Киева [Козак, 2002]. Заметим, что Киев по гипотетической схеме А.П. Бужиловой [Buzhilova, 2002], построенной на основании компьютерной модели, входил в зону риска функционирования проказы в древности, так как был одной из самых «актив-

ных» пересечений Великого Шелкового пути в Европе. Напомним, что эта грандиозная евразийская торговая сеть на протяжении нескольких веков служила невольной связью регионов, где функционировали природные очаги проказы (Китай, Индия, среднеазиатские страны) и стран Европы, где таковые не наблюдались.

Середина тридцатых годов прошлого столетия ознаменовалась распространением палеопатологических исследований именно в том ракурсе, который позволяет обозначить это явление как возникновение отечественной школы палеопатологии. Это произошло благодаря активной научной деятельности профессора Д.Г. Рохлина, заведующего кафедрой рентгенологии и радиологии 1-го Ленинградского медицинского института, члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР. Будучи молодым специалистом-анатомом, Д.Г. Рохлин начал свой трудовой путь в 1923 году в Центральном рентгенологическом институте в Петрограде. Д.Г. Рохлин оставил значимый след в медицинской науке, разрабатывая рентгенодиагностику различных патологических состояний. Он известен в истории отечественной медицины как один из основателей рентгено-анатомии (вместе с А.С. Золотухиным и М.Г. Привесом). В годы второй мировой войны с 1941 по 1945 год он состоял на службе в Советской армии в качестве рентгенолога, получив бесценный опыт диагностики тяжелых и неординарных случаев ранений, травм и обморожений. Д.Г. Рохлин оставил после себя школу, многочисленных ученики которой работали в различных городах и центрах нашей страны.

Изучая совместно с А.Е. Рубашевой костные материалы эпох позднего неолита- бронзы и раннего Средневековья, собранные Г.П. Сосновским в 1928–1929 гг. в бассейне р. Селенги, Д.Г. Рохлину удалось обнаружить 14 случаев заболевания урловской болезнью (болезнь Кашина-Бека), начиная с эпохи бронзы [Рохлин, Рубашева, 1933]. Характерные для этого эндемического заболевания генерализованные поражения костно-суставного аппарата типа деформирующего артроза и нередко сопутствующего деформирующего спондилеза, впервые были описаны в 40–50-х годах XIX века у забайкальских казаков, живших в бассейне р. Урôву – одного из притоков Аргуни. Очаг этого заболевания охватывает большую часть Восточной Сибири, север Китая, Корею. Болезнь поражает организм в период максимального роста детского скелета. Тяжелые случаи могут приводить к полной инвалидности еще в молодом возрасте. Используя археологические находки, Д.Г. Рохлину удалось показать разные фазы этого заболева-

ния, разработать и обосновать патогенез урвской болезни. Позднее в своей монографии Д.Г. Рохлин [1965] выдвигает предположение о более широком ареале функционирования эндемического очага болезни Кашина-Бека в древности, чем в наши дни.

Ранние палеопатологические работы Д.Г. Рохлина посвящены исследованию возрастных изменений позвоночника. Было изучено несколько сотен останков индивидов разного возраста из всевозможных археологических памятников. В результате разработана оценка косвенных симптомов патологии межпозвоночного диска. Специальное внимание уделено патогенезу юношеского кифоза [Рохлин, Рубашева, 1935, 1935а; Rokhlin et al., 1936].

Примерно в это же время, при содействии В.С. Майковой-Строгановой рассматриваются проблемы рентгенодиагностики костного туберкулеза на ископаемых останках. В своих ранних работах авторы указывают, что правильное распознавание древнего туберкулеза часто возможно на основании сопоставления с соответствующими рентгенограммами в нескольких проекциях [Рохлин, Майкова-Строганова, 1938]. Современный патологоанатом, отмечают исследователи, ставя свой диагноз, исходит главным образом из характера изменений мягких тканей. В частности, туберкулезный спондилит специалист диагностирует тогда, когда находит казеозные массы, а не по характеру деструктивных и дегенеративных изменений в самой кости. Однако костные изменения могут быть ключевыми при диагнозе, поэтому их стоит учитывать. Для использования этих признаков в будущем необходимо сопоставить рентгеновские изображения мацерированных костей и результаты их морфологического анализа, что наиболее продуктивно при изучении археологических объектов. Эту мысль высказывали многие палеопатологи из разных стран, работавшие, прежде всего, в медицине. Однако в отечественной науке заявление о важности палеопатологического источника для разработки диагностики современных костных патологий впервые прозвучало столь убедительно в работах Д.Г. Рохлина и его коллег.

Именно интерес к патологиям позвоночника обусловил значительное увеличение объема первой палеопатологической коллекции в стране. Она стала частью Музея возрастной и индивидуальной остеологии, пато-osteологии и палеопатологии основанного Д.Г. Рохлиным при кафедре рентгенологии и радиологии 1-го Ленинградского медицинского института. Заметим, что Музей стал функционировать уже с начала 1930-х годов. За

несколько десятилетий была сформирована как его экспозиционная часть, так и многочисленная научная коллекция. Музей обеспечивал практическое преподавание студентам конституциональной анатомии и рентгено-анатомии опорно-двигательного аппарата, и диагностики повреждений, заболеваний и аномалий костей и суставов. Его экспонаты, также как и научная часть коллекции послужили материалами для научных монографий, научных пособий, кандидатских и докторских диссертаций, нескольких сотен статей.

В этом собрании патологических образцов специальное место занимали материалы к истории и диагностике костного сифилиса. Уже к 40-м годам прошлого столетия Д.Г. Рохлин и А.Е. Рубашева смогли представить перечень костных изменений при сифилисе, фиксируемых рентгенологическим методом. Этот анализ осуществлялся на ископаемых материалах из погребальных памятников XVII–XIX вв., вскрытых Н.Л. Гондатти у р. Анадырь [Рохлин, Рубашева, 1940]. Мацерированные образцы, демонстрирующие различные этапы костного сифилиса, дали четкое и детализированное представление о патологии костных изменений. Полученные рентгеновские снимки адекватно расшифровывались, что способствовало правильной интерпретации подобных костных патологий в современных клинических случаях. Этот пример с очевидностью демонстрирует правоту тезиса Д.Г. Рохлина о необходимости использования палеопатологических образцов в развитии практической диагностики некоторых костных патологий.

Изучая антропологические серии различных хронологических периодов из памятников СССР, Д.Г. Рохлин сумел обнаружить не только самые ранние образцы сифилиса, датируемые эпохой бронзы, но и географически самые восточные на евразийском континенте. По мнению Д.Г. Рохлина [1965], из материалов забайкальских археологических памятников происходит ранний случай сифилиса, который можно отнести к концу II тыс. до н.э. Это заболевание отмечается исследователем по археологическим материалам разных регионов Сибири и в более позднее время.

По результатам анализа археологических материалов западноевропейской части России Д.Г. Рохлин [1965] указывает на случаи этого заболевания в нескольких древнерусских городах XI–XIII вв. Кроме того, исследователь отмечает несколько десятков случаев средневекового сифилиса по останкам погребенных на юге России – в Саркеле-Белой Веже на Дону.

Собирание палеопатологических образцов стимулировало тесное общение Д.Г. Рохлина с ле-

нинградскими археологами, которые активно пользовались возможностью получить полновесные медицинские заключения у специалиста, интересующегося древностями. Огромную популярность получили его экспертизы исторических персон, которые раскрывали тайны жизни и смерти известных исторических лиц – князя Ярослава Мудрого, князя Андрея Боголюбского, новгородских посадников XIII века.

Основные результаты исследований Д.Г. Рохлина в области палеопатологии нашли отражение в монографии «Болезни древних людей», выпущенной в 1965 г. Эта книга приобрела огромную популярность не только в среде ученых, но и у обычных читателей. Такой успех и живой интерес к новой науке спровоцировал тесное сотрудничество археологов с медиками и антропологами, проявлявшими специальный интерес к ископаемым останкам человека. В 1970–1980-е годы появляются более или менее регулярные палеопатологические исследования специалистов, однако, в большинстве своем, они публикуются в качестве приложений в археологических работах. Часть палеопатологических исследований носит самостоятельный характер, но их число минимально [например, Гусейнова, 1968; Лебединская, 1969; Дэрумс, 1970; Кошкин, 1971; Инашвили, 1975].

Собрание палеопатологических находок недолгое время после смерти ученого в 1981 г. находилось на кафедре рентгенологии и радиологии 1-го Ленинградского медицинского института, а потом (к сожалению, далеко не в полном составе) было передано в отдел антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

В наши дни палеопатология получила новый виток развития, благодаря внедрению новых технологий и методов исследования, применяемых в современной медицине, биологии и антропологии. Сегодня это направление приобретает черты самостоятельной науки, диктуя свои собственные методологические подходы к источнику. В последнее десятилетие в ней намечается несколько специфических разветвлений, касающихся как развития медицинских аспектов исследования ископаемых останков человека, так археологических и экологических проблем [Историческая экология человека... 1998]. Последний аспект получил максимально возможное развитие в нашей стране благодаря сформированному интересу к экологии человека, заложенному трудами Т.И. Алексеевой.

Международная ассоциация палеопатологов, образовавшаяся в конце 70-х годов прошлого сто-

летия, в наши дни выступает в качестве координатора, стараясь объединить разные национальные школы единой методикой исследования. Регулярные конференции, проводимые по очереди в разных странах мира, способствуют своевременному обмену достижениями, позволяют выстраивать новые линии международного сотрудничества, дают возможность для развития молодого поколения палеопатологов.

Библиография

- Анучин Д.Н. О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам // Тр. Антропологич. отд. О-ва люб. естеств., антроп. и этногр. 1880. Т. VI.
- Анучин Д.Н. О древних искусственно-деформированных черепах, найденных в пределах России // Изв. О-ва люб. естеств., антроп. и этногр. 1887. Т. XLIX. Вып. 4.
- Анучин Д.Н. Амулет из человеческой кости и трепанация черепов в древние времена в России // Тр. IX Археол. съезда (1893, Вильно). 1895. Т. I.
- Бужилова А.П. Изучение физиологического стресса у древнего населения по данным палеопатологии. Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М.: Изд-во ИА РАН, 1992.
- Бужилова А.П. Палеопатологические аспекты исследования древнего населения. М.: Изд-во ИА РАН, 1995.
- Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Венсович И. Слово о пользе физической антропологии... М.: Типография императорского Моск. ун-та, 1805.
- Высоцкий Н.Ф. Чума при Алексее Михайловиче. Казань: императорский Казанский ун-т, 1879.
- Гезер Г. История повальных болезней. СПб.: Типография Я. Грзя, 1865.
- Горощенко К.И. Гипсовые курганные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа. Минусинск: Минусинский музей, 1899.
- Гохман И.И. Краниологические коллекции Музея антропологии и этнографии и их значение для изучения расо- и этногенеза народов СССР // Сб. Музея антроп. и этногр., 1980. Т. 35.
- Гусейнова Т.Г. Состояние зубо-челюстной системы древних жителей Азербайджана по данным археологического материала: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Баку: АГУ, 1968.
- Дёрбек Ф.А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905.
- Дэрумс В.Я. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. Рига: Знание, 1970.
- Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. 1940. Вып. VIII.
- Инашвили М.З. Заболевание зубов кариесом у населения Грузии с древнейших времен до настоящего времени: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Тбилиси: ТГУ, 1975.

- Историческая экология человека. Методика биологических исследований. Под ред. А.П. Бужиловой, М.В. Козловской и М.Б. Медниковой. М.: Старый Сад, 1998.
- Козак А.Д. К вопросу о существовании проказы в древнем Киеве // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М.: Изд-во ИА РАН, 2002. Вып.1–2.
- Кошкин Г.А. Состояние зубов и челюстей древних жителей Южной Сибири (Тагарская культура VII–II вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Казань: КГУ, 1971.
- Лебединская Г.В. Патологические изменения на скелетах из Эквентского могильника // Древние культуры азиатских эскимосов. Под ред. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. М.: Наука, 1969.
- Левин Г.М. Очерки по истории антропологии в России. М.: Изд. АН СССР, 1960.
- Ловецкий А. Конспект физиологии и антропо-биологии, составленный о.п. Ловецким. М.: Типография императорской Медико-хирургической академии, 1825.
- Ловецкий А. Краткое руководство к познанию племен человеческого рода с присовокуплением главных признаков, отличающих его от других животных. М.: Типография императорского Моск. ун-та, 1838.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный Мир, 2001.
- Минх Г.Н. Проказа и песь. Киев, 1890. Т. 2.
- Решетило Д.Ф. Проказа. История, география, статистика, этиология, бактериология, диагностика и лечение, законодательство и общественная профилактика проказы. СПб., 1904.
- Рихтер В.М. История медицины в России. М., 1814.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М.: Наука, 1965.
- Рохлин Д.Г., Рубашева А.Е. Уровская, или Кашин-Бековская, болезнь в свете рентгенопалеопатологических данных // Известия АН СССР, отделение математики и естественных наук. 1933.
- Рохлин Д.Г., Рубашева А.Е. Сифилитические поражения костей на ископаемом материале из погребений XVII, XVIII и начала XIX столетий // Вестн. рентгенологии и радиологии. 1940. Т. XXII.
- Рохлин Д.Г., Майкова-Строганова В.С. Туберкулезное поражение позвоночника на палеопатологическом материале // Вестн. рентгенологии и радиологии. 1938. Т. XIX.
- Рохлин Д.Г., Рубашева А.Е. Возрастные особенности позвоночника и косвенные симптомы патологии межпозвоночного диска // Вестн. рентгенологии и радиологии. 1935. Т. XVII.
- Рохлин Д.Г., Рубашева А.Е. К вопросу о патогенезе юношеского кифоза // Вестн. рентгенологии и радиологии. 1935а. Т. XVII.
- Торсуев Н.А. Проказа в бывшей Российской империи. Ростов-на-Дону: Медицина, 1958.
- Тржецяк С. Проказа в библейские времена и в настоящее время, с обращением особого внимания на положение вопроса о проказе в России. СПб., 1913.
- Эккерман В. История эпидемий X–XVIII вв. Казань: Императорский Казан. ун-т, 1884.
- Baer K. Die Makrocephalen im Boden der Krym und Österreichs, verglichen mit der Bildungs-Abweichung welche Blumenbach Macrocephalus genannt hat. Memmories de l'Academy Imperial des sciences de St. Petersburg. VII Serie. 1860. Т. II. N 6.
- Buzhilova A.P. Georaphy of leprosy in Russian Empire: historical evidence of dissemination of the disease // Roberts CA, Lewis M, Manchester K, editors. The past and present of leprosy. Archaeological, historical, palaeopathological and clinical approaches. Proceedings of the International Congress on the Evolution and Palaeoepidemiology of Infectious Diseases 3. (ICEPID), University of Bradford, 26th–31st July 1999. Oxford: Archaeopress. 2002.
- Buzhilova A.P. La peste medievale dans la Russie septentrionale // Signoli M, Cheve D, Adalian P, Boetsch G, Dutour O, editors. Peste: entre epidemies et societes. Firenze: Firenze University Press. 2007.
- Rokhlin D.G., Rubashewa A., Maikowa–Stroganowa W. La cyphose des adolescents. Recherche paléopathologique // J. de Radilologie 1936. 20(4).

Контактная информация: Бужилова А.П. Тел.: (495) 629-44-49, e-mail: albu_pa@mail.ru.